

ПИСАТЕЛЬ-ПУБЛИЦИСТ КРИМИНАЛИСТ-КРИМИНОЛОГ

ГРОЗНЫЙ БАЛОВЕНЬ СУДЬБЫ, ИЛИ ПО ЗАКОНАМ СВОЕГО ВРЕМЕНИ

Звягинцев А.Г.

***Аннотация:** По многолетней привычке в одну из суббот я заглянул в книжный магазин «Москва». Там в букинистическом отделе среди множества книг вдруг сразу бросился в глаза массивный, густо коричневый том в тяжеленном, словно бронированном, переплете. Лев Романович Шейнин был человеком с необычной биографией и удивительной судьбой. Он занимал тогда мои мысли еще и потому, что я работал над романом-хроникой о Нюрнбергском процессе, а Шейнин в нем участвовал, и даже был втянут в серьезную интригу, которая потом обернулась для него самого весьма печальным продолжением... Он был человеком с необычной биографией и удивительной судьбой. Он занимал тогда мои мысли еще и потому, что я работал над романом-хроникой о Нюрнбергском процессе, а Шейнин в нем участвовал, и даже был втянут в серьезную интригу, которая потом обернулась для него самого весьма печальным продолжением... Метод или методология исследования: В процессе работы использовались методы познания: формально-логический и структурно-функциональный. Льва Романовича Шейнина нет в этом мире более сорока лет, и мало кто сейчас вспоминает о его былых делах и пережитых страданиях, а вот книги его все издаются и с интересом читаются. И имя его у абсолютного большинства поклонников ассоциируется исключительно с творческой деятельностью. С той деятельностью, которая по признанию самого Шейнина лечила ему душу и помогала жить. «Только в творчестве, – говорил выдающийся русский юрист и писатель Анатолий Федорович Кони, – есть радость. Все остальное прах и суета». И ведь прав был...*

Ключевые слова: Шейнин, Баловень, Судьба, закон, время, коллега, друг, знакомый, жизнь, книга.

По многолетней привычке в одну из суббот я заглянул в книжный магазин «Москва». Там в букинистическом отделе среди множества книг вдруг сразу бросился в глаза массивный, густо коричневый том в тяжеленном, словно бронированном, переплете.

Я узнал его сразу. «Настольная книга следователя», изданная в 1949 году, где среди трех авторитетных членов редколлегии и авторов был Лев Романович Шейнин. В свое время эта книга многому меня, начинающего юриста, научила. Самое поразительное – она и сегодня по отзывам многих практиков не потеряла актуальности. Разумеется,

тут же вспомнил о Шейнине и подумал, без него в те годы такой труд не мог обойтись!

Лев Романович Шейнин был человеком с необычной биографией и удивительной судьбой. Он занимал тогда мои мысли еще и потому, что я работал над романом-хроникой о Нюрнбергском процессе, а Шейнин в нем участвовал, и даже был втянут в серьезную интригу, которая потом обернулась для него самого весьма печальным продолжением...

Человеком Лев Романович, конечно, был незаурядным. Много успел сделать, многое пережил. Вот только исповедоваться – ни публично, ни в

частных разговорах – никогда не желал, до конца дней своих хранил молчание о делах минувших. Что ж, чем оборачивается блуд словес, Лев Романович хорошо представлял, ибо был посвящен в правила игры, существующие в обществе, в котором он жил, и сам неукоснительно их соблюдал. И когда знаменитый актер Василий Борисович Ливанов, в 60-х годах прошлого столетия, едва прикоснувшись к истории его жизни, и будучи поражен услышанным, предложил написать Шейнину мемуары – это будет бестселлер! – тот посмотрел на него так «будто в первый раз видел» и только негромко сказал: «Васечка! Вы что, с ума сошли?!»

Шейнин не считал возможным предать гласности тайны былых времен даже в ту пору, когда был к небу ближе, чем к земле. Он все равно молчал. Но и пружину молчания время от времени история приводит в движение...

О Льве Романовиче я говорил со многими – коллегами, друзьями, которых было не счесть, просто знакомыми, и людьми, которым случайно довелось встретиться с ним на жизненном пути. И что-то из тайн, хранимых этим человеком, становилось более или менее понятным. Пусть не в деталях, а в виде общей картины. Весьма разнообразной и поучительной.

На работу в прокуратуру после Гражданской войны его, семнадцатилетнего студента литературного института, просто мобилизовали по комсомольской путевке только потому, что там некому было работать. И он, пылкий провинциальный юноша, мечтающий о литературной славе в столице, без всякой подготовки становится следователем, получает право арестовывать людей, отдавать их под суд, распоряжаться судьбами человеческими. И одновременно сталкивается с самыми темными и грязными сторонами жизни, с пороками и жестокостью, превосходящей порой все фантазии, доступные молодому человеку. И все это в условиях «обострения классовой борьбы», когда любые собственные промахи и даже проступки ничего не стоит оправдать «классовым чутьем» и «революционным сознанием».

И в этой ситуации сообразительный, умеющий мыслить и сопоставлять факты Шейнин, скорострельно окончивший юрфак МГУ, становится настоящим профессионалом следствия. Это замечают и достаточно быстро назначают следователем по особо важным делам. Мало того, он не забывает о литературных пристрастиях и начинает публиковать в журналах рассказы, написанные на основе тех конкретных дел, которые он вел. Уже через несколько лет появляется ставшая знамени-

той книга «Записки следователя». Было ему тогда 24 года. А спустя год Шейнин пишет... учебник по криминалистике.

Его жизнь складывается на редкость удачно – карьера, литературная слава... Чего еще желать?

Но у каждого времени свои законы. [1]

В 1934 году его привлекают для участия в расследовании убийства Кирова. Шейнин становится помощником Прокурора СССР Вышинского, он работает на всех процессах того времени, участвует в разоблачении бесчисленных «врагов народа», руководствуясь порой совсем не теми методами следствия, которые сам описывал в учебнике криминалистики. Это, надо полагать, спасло его самого от участи многих прокуроров, немалая часть которых в те годы, тоже попала под каток репрессий, но, наверняка, сказалось на его отношении к жизни. Вероятно, именно тогда он понял, что есть вещи, о которых ему лучше не говорить никому и никогда. Тем более что и сам он в 1936 году был арестован, его подержали недолгое время в лагере на Колыме, а потом оправдали и вернули на службу. Это было суровое назидание, которое он запомнил на всю жизнь.

Шейнин возглавил следственный отдел Прокуратуры Союза ССР в 1935 году и руководил им более 12 лет. Он вел тогда жизнь баловня судьбы. Получал награды, выпускал книги, по его пьесам и сценариям ставили спектакли и фильмы. Одновременно этот грозный баловень раскрывал громкие уголовные дела, а при надобности по указанию свыше сажал в тюрьмы людей, устраивал по ночам допросы с пристрастием.

Жил он широко и роскошно, сполна пользовался всеми благами, которые ему предоставляли служба в прокуратуре и литературные занятия. Имел машину, великолепную двухэтажную дачу в Серебряном бору, был женат, но это не мешало ему заводить связи с другими женщинами. Как говорили про таких руководителей, был жизнелюб.

Его книги издавались огромными тиражами. Я и сам в молодости читал их взахлеб. Правда, наиболее придирчивые сотрудники правоохранительных органов поговаривали о них с иронией. В реальности, мол, все выглядит иначе, факты изменены, сюжеты подогнаны под жесткую схему... Конечно, это так. Но, во-первых, это все-таки не отчеты о реальных делах и не комментарии к кодексам, а литературные работы. А во-вторых...

Сегодня, конечно, трудно поверить в рассказавшихся «воров в законе», которых он описывал. Тех самых, которые в едином порыве приходят в милицию, чтобы начать новую, честную жизнь.

Как и трудно представить себе всех абсолютно безупречных и честных работников НКВД и МВД, думающих только о выполнении воспитательных задач, поставленных партией и правительством...

Однако есть в этих рассказах некое обаяние, которое делает их популярными до сегодняшнего дня. Может быть, дело в том, что они лишены плакатной назидательности и наставительности, автор не педалирует сугубо на идеологические моменты, а вот характеры преступников, сюжетные линии выстроены вполне занимательно, описаны весело и даже благодушно, снисходительно. Такое впечатление, что автор вполне понимает своих героев. Да, жулики, воры, спекулянты, мошенники, но ведь и люди же...

Мне кажется, чувство тревоги и ответственности за дела политические, особенно тридцатых годы, не покидало Шейнина никогда.

Люди, знавшие Льва Романовича, чаще всего разделяли эту мою мысль. Большинство из них считали, что Шейнин не был напрямую причастен к фальсификации доказательств, истязаниям и пыткам. Последний, кто мне об этом сказал, был известный художник-карикатурист Борис Ефимович Ефимов. И было это в 2005 году.

Тогда я работал над документальным фильмом «Нюрнбергский набат» и встретился с Ефимовым, который трудился на процессе. И хотя было ему уже 105 лет, память он сохранил цепкую. Многое помнил до мелочей.

Вести беседу с ним мне было достаточно легко. Мыслил он, когда этого требовала тема разговора, правовыми категориями – и это было не удивительно, еще в 1917 году Ефимов поступил на юридический факультет Киевского университета и учился там у солидной профессуры. Говорил, что за четыре года до того, как он поступил на учебу в университет, его окончил Вышинский, с которым ему довелось встречаться в Нюрнберге. Общался Борис Ефимович там со многими прокурорами, судьями, следователями, контрразведчиками, но, вернувшись в Москву, близкие отношения сохранил только с Шейниным, который участвовал в суде народов в качестве помощника Главного обвинителя от СССР Руденко.

Ефимов называл его «весельчаком», «балагуром» и «душой компании». Утверждал, что они дружили. Он был для него «просто Левчик», а он для Шейнина – «Боря». Рассказывал, что Лев Романович хорошо запомнился ему не только как остроумный, легкий и общительный человек, но и как настоящий профессионал:

«Помню выступает Шейнин на процессе по разделу об ограблении музеев и вывоза фашистами из СССР в Германию произведений искусства, а Геринг, который, как известно, сам всем этим заправлял, сидит на скамье подсудимых и нервничает. Снимает наушники, потом опять их надевает. Потом бросает их перед собой. Наконец не выдерживает и раздраженно говорит Шейнину:

– Господин обвинитель, а вам не кажется, что вы здесь всех вводите в заблуждение, поскольку пользуетесь фальшивыми доказательствами?

Лев Романович тут же отбрил нациста № 2:

– А не кажется ли господину Герингу, что он уже не рейхсмаршал, которому позволено перебивать кого угодно, а просто обыкновенный преступник, который должен отвечать за свои преступления.

Тогда в Нюрнберге такая острая, молниеносная реакция со стороны Шейнина на реплику Геринга имела большой резонанс.

Кстати, о литературных трудах Шейнина Ефимов отозвался спокойно:

«У него были литературные способности. А профессия давала ему материал и возможности».

Встреча с Ефимовым, его воспоминания о Нюрнбергском процессе, заставили меня задуматься над одним из эпизодов в жизни Шейнина того времени.

Изучая материалы уголовного дела возбужденного в 1951 году в отношении Шейнина, я наткнулся на допрос, в котором он, уже будучи арестованным органами МГБ, в своих показаниях утверждал, что одной из причин его ареста стал конфликт с руководителем бригады Главного управления «СМЕРШ» полковником Лихачевым в Нюрнберге...

А суть конфликта заключалась в следующем.

Как-то еще до начала процесса, контрразведчики донесли из Нюрнберга в Москву, что работники прокуратуры якобы «слабо парируют» антисоветские выпады обвиняемых. Начались разборки. В дело лично вмешался Прокурор СССР К.П. Горшенин, находившийся в то время в Нюрнберге. Факты не подтвердились. Более того, было установлено, что Лихачев и сам сильно подставился. Разъезжая по Нюрнбергу на лимузине – черном белом «Хорхе» с салоном, отделанным красной кожей, из гаража Гитлера, полковник вел себя крайне нескромно, даже вызывающе. Был заносчив и дерзок. Его побаивались. Во время проверки выяснилось, что Лихачев принудил к сожительству молоденькую переводчицу, которая забеременела.

Он заставил ее сделать аборт. Его люди отыскивали врача-немца, но срок беременности был уже велик и операция прошла неудачно. Женщина погибла. Лихачев стал замечать следы, распускать слухи, что она была тяжело больна, однако в советской делегации (не без помощи прокурорских работников, как следовало из показаний Шейнина) узнали что к чему. Ведь тогда в СССР действовал закон, запрещающий аборты. Собранную информацию Горшенин передал в ЦК партии и руководителю «Смерша» Абакумову. Лихачева отозвали из Нюрнберга и посадили на десять суток под арест.

Вот такие были в те времена сюжеты... И это еще не все!

Потом мне удалось установить, что материал о «мягкотелой соглашательской линии поведения нашей делегации в Нюрнберге» Сталину направил Берия. А Сталин дал поручение разобраться Молотову. Об этом мне стало известно в 2008 году от нашего посла в Швейцарии Игоря Борисовича Братчикова, который работал и долгое время поддерживал дружеские отношения с известным советским дипломатом Владимиром Семеновичем Семеновым. В одной из бесед Семенов ему рассказал, что в 1946 году, когда он был политсоветником главноначальствующего СВАГД (Советская военная администрация в Германии – прим. авт.) ему в Берлин позвонил Молотов и дал поручение съездить в Нюрнберг, посмотреть, как идут дела на процессе, и доложить о работе советской делегации. Семенов спросил: «Будут ли какие-либо установки?» Получил ответ: «Нет, не будут».

Приехав в Нюрнберг, Семенов собрал совещание, выслушал доклады наших сотрудников, работавших в трибунале. Затем присутствовал на самом процессе, на допросах Кальтенбруннера, Йодля, Розенберга и других. Спустя несколько дней снова собрал совещание. Сказал, что доложит в Москву, что работают советские представители хорошо, умело отстаивают утвержденную линию, а так как он не специалист в юриспруденции, то делать ему здесь нечего, и он просит разрешить ему вернуться в Восточную Германию, где ему необходимо лично контролировать ход земельной реформы. Написал соответствующую шифротелеграмму и, получив согласие Молотова, вернулся в Берлин.

А спустя лет двадцать в санатории «Барвиха» Семенов встретил тогдашнего председателя Верховного суда СССР Смирнова, принимавшего участие в работе Нюрнбергского трибунала. Смирнов искренне поблагодарил дипломата за то, что четверть века назад он спас его и некоторых других

советских участников Нюрнбергского процесса от вероятных репрессий. На что Семенов честно сказал: «Если бы Молотов сообщил мне о „сигналах“ Берии, то не исключаю, что „по законам“ того времени „что-нибудь“ я бы в Нюрнберге нашел».

Вот так делались тогда большие государственные дела. Впрочем, только ли тогда...

Из Нюрнберга Шейнин возвращается триумфатором. Работа на высоком посту в прокуратуре, книги, фильмы, Сталинская премия за фильм «Встреча на Эльбе», слава... Он не отказывал себе ни в чем. Один из приятелей сказал как-то, что Шейнин вел распутный образ жизни и делал это с таким цинизмом, что все выглядело, как «домашний публичный дом». Шейнин отрезал: «Я сожительствовал с рядом женщин, но в публичный дом свою квартиру не превращал».

В послевоенные годы среди московских интеллектуалов была очень популярна такая стихотворная байка: «На берегах литературы пасутся мирно братья Туры и с ними, заводя амуры, Лев Шейнин из прокуратуры».

И в то же время Шейнин работал над «Настольной книгой следователя», с которой начался наш рассказ. Книгой, по которой училось профессионализму не одно поколение следственных работников.

Однако жизнь в это время закручивает сюжет, который даже он, мастер драматургических ходов, не мог предусмотреть. Его нюрнбергский знакомый Лихачев становится заместителем начальника Следственной части по особо важным делам МГБ СССР и начинает заниматься делом Еврейского антифашистского комитета, готовясь привлечь к ответственности как можно больше людей и намекая возможные жертвы.

В 1949 году, как раз когда «Настольная книга следователя» вышла в свет, Шейнина неожиданно освободили от должности, не объяснив причин. Сказали, что назначат директором Института криминалистики, но...

Не назначили. Знак был, что и говорить, плохой. Шейнин сидел дома, писал рассказы, пьесы, сценарии. Выжидал, особенно не высвечивался, но при случае всегда «зондировал» почву, пытаясь понять, что его ждет. Он, конечно, догадывался, что освобождением от должности дело не закончится. На одной из вечеринок, на которых бывал Шейнин, подвыпивший сотрудник органов сболтнул: «Эх, Лева, Лева, старый уголовник!.. Умная у тебя башка, а все же мы за тебя взялись...» Кое-кто из его знакомых по писательскому цеху получил ре-

комендацию держаться подальше от Шейнина, так как его «выгнали» из прокуратуры по настоянию органов безопасности, а скоро вообще «возьмут». Разумеется, это дошло и до Шейнина.

Через несколько лет сам он объяснит такой неожиданный поворот своей замечательной карьеры знакомому только одним словом: «Михоэлс...»

Это очень походило на правду. Накануне увольнения Шейнин был командирован в Минск в качестве следователя по особо важным делам в связи с загадочной гибелью знаменитого артиста Михоэлса. Для многоопытного Шейнина не представляло никакого труда установить, что никакой автомобильной аварии, о которой официально было объявлено, не произошло, а имело место подготовленное убийство, следы которого вели куда-то очень высоко... Видимо, от популярного писателя и авторитетного следователя ожидали, что он подтвердит факт «автомобильной аварии» и случайность гибели Михоэлса. Но факты подсказывали Шейнину другую версию, и его немедленно отстранили от дела, а вскоре и уволили.

Но дело было не только в Михоэлсе. Тогда уже усиленно раскручивался так называемый «еврейский вопрос». Нужны были «заговорщики», которые могли сойти за организаторов заговора. Но и это еще не все.

Шейнин был для Лихачева находкой. Прокурорский работник, литератор, имевший обширные связи, особенно в еврейской среде, как нельзя лучше подходил на активную роль заговорщика. К тому же было известно, что Шейнин, осторожный и хитрый, обладавший удивительной изворотливостью, был очень боязлив. Многие его знакомые знали, что он панически боялся допросов с пристрастием и признавался, что он их не выдержит. После истории с Михоэлсом его никто из высокопоставленных знакомых не мог защитить.

Шейнина арестовали 19 октября 1951 года. Прокуратура даже не пыталась вступить за своего бывшего сотрудника, отдавшего как-никак следственной работе более 27 лет жизни. Да, надо сказать, маховик был запущен тогда с такой силой, что все попытки были бы бесполезны. Летели головы и поважнее...

Поначалу Шейнин связывал свой арест с происками главы МГБ Абакумова. Когда в январе 1949 года сгорела дача Ворошилова, Шейнин со своей командой занимался расследованием. Была установлена халатность органов госбезопасности, охранявших объект, виновные отданы под суд. После этого, встретившись с Шейниным, Абакумов

обронил: «Все ищешь недостатки в моем хозяйстве, роешься... Ну, старайся, старайся...»

Но думается, такая версия случившегося была притянута за уши. Ведь к этому времени Абакумов сам уже сидел в тюрьме и терпел пытки. Его даже одно время поместили в тесный холодный карцер без окон, без притока свежего воздуха, держали на хлебе и воде, включая беспрерывно холодильную установку. Описывая эти зверства в письме на имя Берии и Маленкова, Абакумов просил их только об одном передать его дело в целях объективного расследования в Прокуратуру СССР.

В рамках дела, возбужденного против Абакумова, был арестован коллега Шейнина – прокурор отдела по надзору за следствием в органах госбезопасности Прокуратуры Союза ССР Дорон. Путем применения к нему незаконных методов ведения следствия от него добились показаний даже в отношении Генерального прокурора СССР и других руководящих работников органов прокуратуры. Служивцы Дорона мне рассказывали, что когда после смерти Сталина, бедолага был освобожден из-под стражи, он признался, что били его «с оттяжкой» металлической пряжкой по обнаженным ягодицам, приговаривая: «Вот тебе материальное право, а вот тебе процессуальное право». Они утверждали, что в те годы якобы проводилась операция под кодовым названием «Пушкинская, 15-а» (место нахождения Прокуратуры СССР). По их версии после еще нескольких арестов сотрудников прокуратуры дело Дорона и Шейнина должно было быть объединено в одно производство.

В постановлении на арест Шейнина указывалось: «... изобличается в том, что будучи анти-советски настроен, проводил подрывную работу против ВКП(б) и Советского государства. Как установлено показаниями разоблаченных особо опасных государственных преступников, Шейнин находился с ними во вражеской связи и как сообщник совершил преступления, направленные против партии и Советского правительства».

Борис Ефимов во время нашего разговора вспомнил, что в те дни арест Шейнина многие восприняли вполне философски:

«Встретил на улице известного поэта, а он говорит:

– А знаешь, Боря, этого толстяка Шейнина посадили. Говорят, упал в обморок, когда за ним пришли. Там теперь, поди, похудеет...

– Да ты что? – остолбенел я. – Да он же сам всех сажает!

– Ну и что? Сажал, сажал и досажался...

Наверное, в этом „досажался“ была доля истины. Здесь выразилось и отношение столичной культурной богемы к двойной жизни Шейнина.

Трудно было представить себе в лубяньских кабинетах этого веселого полного жуира, который в своих рассказах писал о том, что презумпция невиновности выше всего и считался чуть ли не автором «ставки на доверие» – особой формы установления контакта с допрашиваемым, а сам очень любил во время работы в Следственном отделе «ночные бдения», то есть допросы ночью, когда арестантам по несколько суток не дают спать...

Почему-то дело Шейнина «тянулось» два года, хотя другие и куда более сложные и запутанные, заканчивались значительно быстрее. Видимо, потому, что «умная голова» умела тянуть время. Профессионал, он тонко чувствовал, чего от него хотят, высчитывал, что можно сказать, а чего нельзя, пытался угадать по течению допросов, как меняется политика на самом верху.

Допросы следовали за допросами, иногда они перемежались очными ставками, дело пухло, и к концу оно уже насчитывало семь огромных томов. Делом занимались в разное время семь старших следователей Следственной части по особо важным делам МГБ СССР. Его допрашивали не менее 250 раз, большей частью ночью, как правило, допросы начинались в 9–10 часов вечера и заканчивались далеко за полночь. Более года держали в одиночке, иногда в наказание «за провинности» лишали прогулок, книг, передач, во время допросов шантажировали, оскорбляли, грозили побоями. Однажды его даже заковали в наручники и не снимали их в течение шести дней. Все это довело Шейнина до такого состояния, что к концу следствия, по собственному признанию, запас его «нравственных и физических сил был исчерпан». Были периоды, когда его силы окончательно покидали и он в эмгэбэшной одиночке ощущал холодное дыхание смерти и слышал, как в ночной тишине, она ему приговор читала.

Протоколы его допросов я внимательно изучал. Что и говорить – это тяжелое занятие. Наводящее на невеселые мысли.

В первый год ведения дела следователи усиленно «раскручивали» так называемый «еврейский заговор». На этом этапе Шейнин давал показания охотно и подробно, «выдавал» всех и вся. Он говорил о своих «националистических» беседах с самыми известными деятелями советской культу-

ры и искусства. «Закладывал» он и своих бывших сослуживцев по прокуратуре. Кстати, и того же Бориса Ефимова тоже присовокупил к числу заговорщиков, о чем я старому художнику во время нашего разговора говорить не стал.

Он с готовностью поведал о своих «националистических» беседах с Эренбургом, братьями Тур, Штейном, Кроном, Роммом, Рыбаком и многими другими известными деятелями культуры.

Вот только один отрывок из его показаний об Эренбурге. «Эренбург – это человек, который повлиял, может быть в решающей степени, на формирование у меня националистических взглядов... Эренбург говорил, что в СССР мизантропия антисемитизма дают обильные всходы и что партийные и советские органы не только не ведут с этим должную борьбу, но, напротив, в ряде случаев сами насаждают антисемитизм...»

Следователи, видя его готовность, требовали показаний на Утесова, Блантера, Дунаевского, и даже на Вышинского, руководившего знаменитыми процессами 30-х годов...

В своем письме на имя министра госбезопасности С. Игнатьева Шейнин потом писал: «Следователь пошел по линии тенденциозного подбора всяческих, зачастую просто нелепых, данных, большая часть которых была состряпана в период ежовщины, когда на меня враги народа... завели разработку, стремясь меня посадить, как наиболее близкого человека А.Я.Вышинского, за которым они охотились».

И в другом письме уже на имя Берии: «Вымогали также от меня показания на Вышинского».

«На Вышинского» Шейнин показаний не дал, но вот своих сослуживцев не пожалел.

Так на вопрос следователя: «Вы все рассказали о своей вражеской работе против Советского государства?», последовал ответ:

«Нет, не все. Мне нужно еще дополнить свои показания в отношении преступной связи с работниками Прокуратуры СССР Альтшуллером и Рагинским». Называл он и многих других лиц, например, прокурора Дорона, профессоров Швейцера, Шифмана, Трайнина...

Причем «шил» Шейнин к заговорам даже тех, о ком его и не спрашивали.

Такой была его тактика, всячески демонстрировать готовность сотрудничать со следствием. А стратегия была одна – выжить, избежать пыток. Ради этого, он готов был выложить любые подробности из личной жизни своих знакомых, включая самые интимные. Рассказывая об одной женщине, помощнике прокурора, описал, какие предметы

женского туалета оставались в кабинете после ее визита к начальнику.

Через какое-то время «еврейский вопрос» стал терять «актуальность», и следователи принялись усиленно «превращать» Шейнина в шпиона. Пошли вопросы о связях с границей. Однако здесь Шейнин держался стойко. Он начисто отрицал свою вину в шпионаже или измене Родине.

Вот, например, отрывок из протокола допроса от 7 февраля 1953 года.

«Вопрос: Материалами дела установлено, что вы проводили враждебную работу против Советского народа по заданию представителя иностранного государства. Признаете это?»

Ответ: С представителями иностранных государств я не был связан и заданий по проведению вражеской работы из-за кордона я не получал.

Вопрос: Ваше заявление лживое. Имеющиеся в распоряжении следствия факты полностью изобличают вас в связи с границей. Прекратите уклоняться от правды.

Ответ: Еще раз заявляю следствию, что я агентом иностранной разведки не был».

Одновременно он писал заявления на имя первых лиц государства. Вот такие:

«У меня нет чувства обиды за свой арест, несмотря на перенесенные физические и нравственные страдания. Скажу больше: тюрьма помогла мне многое осознать и переоценить. И если мне вернут свободу, этот процесс нравственного очищения и глубокого самоанализа даст мне как писателю очень многое. Слишком легко мне раньше удавалась жизнь».

Что тут скажешь?

После смерти Сталина, когда многие дела стали прекращаться, Шейнина держали в тюрьме еще более восьми месяцев. Он не мог не видеть, как меняется ситуация, узнал, что его личный враг Лихачев арестован, и резко изменил свои показания, многое из того, о чем говорил, стал отрицать. Кстати, Лихачев в декабре 1954 года вместе с другими руководителями МГБ СССР за допущенные злоупотребления будет осужден и расстрелян.

А Шейнин, понимая, что перемены наступили, писал многостраничные заявления: «Я „признавал“ факты, в которых нет состава преступления, что я всегда могу доказать. Следователей же в тот период интересовали не факты, а сенсационные „шапки“ и формулировки. Чтобы сохранить жизнь и дожить до объективного рассмотрения дела, я подписывал эти бредовые формулировки, сомнительность которых очевидна... Я не перенес бы избиений».

21 ноября 1953 года дело Шейнина было прекращено, его освободили. И он этому очень радовался. Радовался еще и тому, что далекое эхо теперь, как ему казалось, невозвратных лет уже отголосило над его головой и его угрюмой страной. Как-то Лев Романович зашел в Верховный Суд СССР. Председатель Верховного Суда Анатолий Антонович Волин, увидев его в коридоре, пригласил к себе в кабинет. Спросил:

– Ну что, тебе там крепко досталось?

– Да нет, – спокойно ответил Шейнин.

– Говорили, что ты признался еще в машине, когда тебя везли на Лубянку после ареста.

– Нет, все было не так

– Но ты же признавался?

– Я действительно что-то такое признавал, я боялся избиения, – коротко ответил Шейнин и сменил тему.

«Было очевидно, что он ничего не хочет рассказывать, – сказал мне во время одной из бесед Волин, когда вспоминал об этой встрече.– „Умная голова“ посчитала, что так будет лучше. А вообще-то он был по характеру нестойкий...»

Была у Шейнина памятная встреча и в родной прокуратуре, где ему и его коллеге Дорону вернули партийные билеты, хранившийся там после ареста. Это было единственное, что можно было тогда сделать. Как сказал снятый в то же время с работы за то, что не обеспечил надлежащего надзора за исполнением законов в органах МГБ, Генеральный прокурор Г.Н. Сафонов, «где начинался порог МГБ, там заканчивался прокурорский надзор». Впрочем, и сам Шейнин знал это не хуже.

Он знал систему, в которой прошла его жизнь, которой он служил в меру своих сил, и потому никогда и ничего не любил вспоминать из прошлого – ни политических процессов, ни собственного ареста, ни бесчисленных допросов... Ведь многие тайны, в которые он был посвящен, были не только тайнами времени и системы, но и его собственными, глубоко личными тайнами.

В последние годы своей жизни Шейнин работал заместителем главного редактора журнала «Знамя», затем редактором на киностудии Мосфильм, принимал активное участие в создании знаменитого сериала «Следствие ведут знатоки». По его сценариям в это время были сняты фильмы «Ночной патруль», «Цепная реакция», «Игра без правил», поставлена пьеса «Тяжкое обвинение». Завершена трилогия «Военная тайна».

В моей библиотеке на книжных полках среди произведений Шейнина хранится не совсем обычная книга – «Записки следователя». И не совсем

обычна она тем, что дарственная надпись автором сделана не мне, а Марку Юрьевичу Рагинскому, который в 1945–1946 годах в том же качестве, что и Шейнин участвовал в Нюрнбергском процессе. Они дружили и работали вместе в Прокуратуре СССР с 1934 года. А подарил мне эту книгу и «Настольную книгу следователя» уже после кончины Рагинского его сын – Дантон Маркович, вместе с некоторыми фотографиями отца и документами, касающимися Нюрнбергского процесса.

Когда был жив Марк Юрьевич он мне в самый разгар перестройки, в 1987 году, как-то сказал: «Понимаете, Александр Григорьевич, объяснить в новой жизни при новой власти то, что творилось тогда невозможно. Никто не поймет. И Лев Романович это хорошо знал. Да и потом, скажем откровенно, воспоминания о прошлых делах могут преподнести самые неожиданные сюрпризы – особенно тем, кто принимается их ворошить. Я не раз на эту тему разговаривал с Шейниным, и он мне говорил, что не собирается ни с кем сводить счеты. Просто хочет жить в свое удовольствие на сколько позволят ему годы и здоровье. И вы знаете, он до конца дней оставался очень интересным жизнелюбивым человеком, говорил, что получает удовольствие от творческой работы. Правда, он всегда немного хондрил и за полгода до смерти подписал мне эту книгу. – И Марк Юрьевич протянул мне «Записки следователя» – Прочтите. Вы видите, он

здесь уже говорит в прошедшем времени и будто бы подводит некий итог. А итог – это, простите, ведь почти всегда некий конец!»

Я открыл книгу и стал читать: «Дорогой Марк! – твердым уверенным почерком писал Шейнин – Мы рядом прошли долгую и сложную жизнь. На старости уже нет времени менять друзей и, к тому же, лучше старых не найдешь... Прими эту книгу, как выражение этой идеи и неизменной любви к тебе и Иде. 6/IX 66. Ваш Лева».

И действительно Марк Юрьевич был прав: Шейнин, с его интуицией чувствовал, что он находится на зыбком рубеже и для него уже пробили час прощаний и итогов. Через шесть месяцев и пять дней – 11 мая 1967 года Льва Романовича не стало. Он ушел в мир иной после обширного инфаркта, хотя считал, что сердце у него абсолютно здоровое и всегда боялся умереть от рака.

Льва Романовича Шейнина нет в этом мире более сорока лет, и мало кто сейчас вспоминает о его былых делах и пережитых страданиях, а вот книги его все издаются и с интересом читаются. И имя его у абсолютного большинства поклонников ассоциируется исключительно с творческой деятельностью. С той деятельностью, которая по признанию самого Шейнина лечила ему душу и помогала жить. «Только в творчестве, – говорил выдающийся русский юрист и писатель Анатолий Федорович Кони, – есть радость. Все остальное прах и суета». И ведь прав был...

Библиография:

1. Гришенцев А.Ю., Коробейников А.Г. Постановка задачи оптимизации распределённых вычислительных систем // Программные системы и вычислительные методы. – 2013. – 4. – С. 370-375. DOI: 10.7256/2305-6061.2013.4.10548.

References (transliterated):

1. Grishentsev A.Yu., Korobeinikov A.G. Postanovka zadachi optimizatsii raspredelennykh vychislitel'nykh sistem // Programmnye sistemy i vychislitel'nye metody. – 2013. – 4. – С. 370-375. DOI: 10.7256/2305-6061.2013.4.10548.